

Ишин А.В.

УДК 94 (477.75) «1917/1921»

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПРОЦЕССА «ФРАГМЕНТАЦИИ ВЛАСТИ» В КРЫМУ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Введение. События Февральской революции, повлекшие отстранение от власти Императора Николая II и формирование органов нового – Временного правительства, послужили отправной точкой в разрушении традиционной для Российской империи политической и социокультурной реальности, в кардинальной смене самой парадигмы государственного развития.

Лидеры рожденного Февралем Кабинета, а также их представители на местах не смогли превратить новообразованное правительство в эффективный орган высшего государственного управления, способный адекватно откликнуться на вызовы эпохи. Этому способствовало множество объективных и субъективных причин.

Для обозначения центрального процесса переходного от Февраля к Октябрю 1917 г. исторического периода мы предлагаем использовать термин «фрагментация власти», отличая его от широко известного понятия «разделение властей». Вследствие процесса фрагментации как в центре страны, так и в провинциях сформировалось три основных властных центра, претендующих на гегемонию: Временное правительство и его органы на местах, Советы рабочих и солдатских депутатов, Ставка Верховного главнокомандующего.

О «февральском» периоде в Тавриде существуют научные исследования, осуществленные рядом авторов, в частности, П.Н. Надинским [1], В.В. Федунковым, В.И. Жуковым [2], А.Г. Зарубиным, В.Г. Зарубиным [3], В.Н. Пашеней [4] и некоторыми другими.

Вместе с тем, в настоящее время существует актуальная необходимость в качественно новом научном осмыслении обширной проблематики, связанной с деятельностью учреждений Временного правительства в Таврической губернии. В частности, в серьезном анализе нуждается широкий спектр архивных материалов, не использовавшихся ранее в исторической литературе. При этом, обоснованным представляется использование институционального подхода (в отличие от доминирующего доньше в историографии событийно-исторического), позволяющего комплексно исследовать «внутреннюю» логику принимаемых управленческих решений и их последствия, механизмы взаимодействия и взаимовлияние различных правительственных институций [5].

В настоящей статье мы рассматриваем проблему фрагментации власти как важнейший элемент расстройтва государственного управления Таврической губернией после Февраля 1917 г., приходим к некоторым выводам общетеоретического характера.

Изложение основного материала. Ситуацию, сложившуюся в сфере государственного управления после Февральской революции, удивительно точно характеризуют слова генерала А.И. Деникина: «И никакой практической работы <...> заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом...» [6].

Как справедливо замечает О. Кудинов, «в ходе революции были освобождены от занимаемых должностей генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники, полицеймейстеры, исправники, станковые приставы, урядники, земские начальники с соответствующими канцеляриями и делопроизводцами, были упразднены такие местные учреждения, как полицейские управления, комитеты по делам печати, жандармские управления и охранные отделения и т. д.» [7]. При этом «упраздненные должности и учреждения правительственного аппарата на местах были заменены губернскими, городскими и уездными комиссарами Временного правительства и их аппаратом (канцеляриями). Циркулярным распоряжением Временного правительства от 5 марта временно обязанности этих комиссаров до выборов новых органов самоуправления возлагались на председателей губернских и уездных земских управ и городских голов, которые были избраны еще при старом режиме <...> Созданное в марте 1917 г. при Министерстве внутренних дел Особое совещание по местным реформам ввиду сложности работы только к сентябрю подготовило Проект положения о комиссарах, согласно которому компетенция комиссаров напоминала компетенцию губернаторов и исправников. Само «Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах» было обнародовано лишь 25 сентября 1917 г. Такая медлительность порождала кризис власти на местах» [8].

Безусловно, общественно-политическую ситуацию в Петрограде в известном смысле можно экстраполировать и на Таврическую губернию, включавшую в свой состав, наряду с собственно крымскими уездами и три «материковых» уезда – Днепровский, Мелитопольский и Бердянский.

Власть Временного правительства опиралась тут (как и в России в целом) на аппарат Таврического губернского комиссара и уездных комиссаров.

6 марта Таврическим губернским комиссаром назначается Я.Т. Харченко, 27 марта – Н.Н. Богданов (оба – известные земские деятели, возглавлявшие Губернскую земскую управу) [9].

12 марта 1917 г. Таврическим губернским комиссаром была получена из Петрограда циркулярная телеграмма: «Николай Второй уже задержан в Царском Селе точка Председатель Совета рабочих депутатов Николай Чхеидзе» [10].

16 марта 1917 г. Я.Т. Харченко телеграфировал в центр, Временному правительству: «Докладываю в губернии спокойно точка на местах преступлено к организации волостных и сельских общественных комитетов, учреждение которых населением встречается сочувственно» [11].

Впрочем, следует признать: архивные документы свидетельствуют о том, что это спокойствие было весьма относительным. 5 марта появляются слухи о «движении по улицам Феодосии пьяных толп» [12]. 6 марта 1917 года Симферопольский уездный исправник рапортовал Таврическому губернскому комиссару: «Сего числа, около 5 часов вечера, в мое отсутствие, в мою канцелярию явилось около 20 человек нижних воинских чинов, которые как в канцелярии, так и во дворе, произвели обыск, отобрали оказавшееся здесь оружие и, перерезав телефон, отправились в казарму стражи, где также перерезали телефон и обезоружили стражу, а затем, оставив здесь военный караул, удалились» [13]. 7 марта исправник Никифоров докладывает из Евпатории о намерениях «рабочего класса обезоружить чинов полиции» [14]. 9 марта Земский начальник станции Васильево (Мелитопольский уезд) телеграфирует о «состоявшемся постановлении схода его арестовать» [15]...

Немаловажно, что власть комиссаров в губернии ограничивалась как центральными ведомствами, так и советами, а также Главным начальником Одесского военного округа, имевшем особые полномочия в условиях военного времени.

Процитируем некоторые показательные документы. Из телеграммы помощника Таврического губернского комиссара Бианки Главному начальнику Одесского военного округа Фелицыну от 30 августа 1917 г.: «Видах сохранения спокойствия и борьбы с контрреволюцией необходимо предоставление Вами мне права [изд]ания обязательных постановлений с карательной [сан]кцией в административном порядке прошу срочного [рас]поряжения телеграфу» [16].

В ответ Главный начальник Одесского военного округа телеграфировал: «Уполномочивать по Закону возможно лишь на наложение взыскания в административном порядке за нарушение изданных уже мною обязательных постановлений ввиду чего по вопросу об издании новых постановлений [н]адлежит каждый раз в нужных случаях входить ко мне с представлениями телеграфу» [17].

В целом ситуация в Таврии характеризовалась известной организационной неразберихой, слабостью и низкой эффективностью власти.

Весьма показательным является уникальный документ – обращение мелитопольского городского головы А. Панкеева Таврическому вице-губернатору С.В. Горчакову как раз в преддверии смены власти в губернии от 4 марта 1917 г. Процитируем его полностью:

«По окончании заседания Городской Думы 3 Марта, перенесенного на это число, так как назначенное на 28 Февраля заседание очередной Думы не состоялось за неприбытием законного числа гласных, гласный г. Степанов сделал сообщение о полученной им телеграмме относительно образования нового Правительства. По существу сообщения г. Степанова гласными было предложено созвать совещание Думы на 5 Марта с участием представителей от различных обществ, учреждений и корпораций для разрешения вопросов, вытекающих из хода совершающихся событий. Изъявив на это свое согласие, я заявил, что мною будет послана Вашему Превосходительству телеграмма и пригласил г.г. гласных в кабинет на совещание.

Во время этого перерыва группа местных обывателей, оставшаяся в зале, по совещании, явилась в кабинет с заявлением, что в виду избрания нового Правительства «нет смысла посылать телеграмму Губернатору, так как совещание может быть создано самим Головою или лицом по уполномочию Думы».

Пригласив собравшуюся публику занять места за столом, я пригласил г. Либерова словами: «Вот вы хотели сделать заявление, я предоставляю вам полную свободу, говорите, что вы хотите».

Г. Либеров, сильно волнуясь, обратился со следующей речью к присутствующим: «Господа, теперь в исключительное переживаемое нами время, нам говорят о какой-то власти, которая сидит в настоящее время в Петропавловской крепости. Нам об этом говорит Городской Голова, представитель местного самоуправления, это позор...»

На этом слове я прервал г. Либерова заявлением, что я пригласил говорить о деле, но не оскорблять, я не разрешаю заседания и ухожу.

С этими словами я и большинство гласных оставило зал заседания, и речь Либерова осталась неоконченной.

На другой день, 4 Марта, с утра стало известно, что работы на заводах остановились, и торговые магазины по требованию служащих закрыты. Требование предъявлялось к Казначейству и Земской Управе о прекращении занятий. В помещении Земской Управы явились рабочие и служащие и устроили там совещание, причем были избраны: совет рабочих депутатов и исполнительный комитет, первый в составе 30, а второй 15 человек.

В 7 часов вечера 4 числа рабочие, сопровождаемые многочисленной толпой, прибыли к зданию Городской Управы и открыли на улице митинг с участием г. Либерова. Председатель исполнительного Комитета и другие заявили мне, что избранные лица будут руководить городскими делами, когда же я предложил им предъявить мне уполномочие от нового Правительства на такие действия, то они ушли из Городской Управы в 8 часов вечера и перешли в Земскую Управу для выработки плана дальнейших действий.

Представляя об этом Вашему Превосходительству, честь имею просить сообразоваться уведомить, обязан ли я подчиняться подобным требованиям совета рабочих депутатов или исполнительного Комитета» [18].

Несомненно, следует согласиться с мнением А.И. Деникина, что «демагогическая деятельность» Совета рабочих и солдатских депутатов тяготела «над волей и совестью Временного правительства» [19]. В Крыму советы были образованы в Севастополе, Симферополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Карасубазаре (ныне Белогорск), Перекопе [20].

О весьма непростою характере взаимоотношений Таврического губернского комиссара с советами свидетельствует, в частности, обращение к нему Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов г. Симферополя от 29 июля 1917 г.: «Исполнительный комитет просит Вас сообщить о причинах издания Вами обязательного постановления о запрещении в городе митингов и собраний без оповещения о таковом готовящемся постановлении Исполнительного комитета» [21].

Из канцелярии комиссара 14 августа 1917 г. был направлен ответ следующего содержания: «Обязательное постановление о запрещении митингов и проч. Было издано утром 24 июля, в тот момент, когда в городе

ожидались крупные беспорядки, в связи с арестом муфтия, и когда надо было предпринимать экстренные и самые решительные меры к предотвращению таковых. Некогда было предварительно совещаться с кем бы то ни было, да и ясно было, что ни одна организация, стоящая на стороне свободы и порядка, ничего не возразила против этой меры.

С формальной же стороны надо сказать следующее: Губернский комиссар, согласно порядку, установленному общегубернскими съездами, всегда опирался в своих решениях не на Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, а на более широкую общегубернскую организацию – Исполнительное бюро Губернского комитета, в которое входят представители от Исполнительного комитета, могла поэтому в тот момент возникнуть мысль только о заседании Исполнительного бюро по вопросу об издании обязательных постановлений. Она и возникла, но была, в виду спешности, оставлена» [22].

Для аппарата Губернского комиссара (как и целом по стране) был свойственен во многом декларативный характер решений актуальных управленческих задач. Объективные возможности его были крайне ограниченными особенно в силу набравших обороты процессов социальной деструкции.

В этом контексте процитируем крайне показательное обращение Таврического губернского комиссара в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов г. Симферополя от 20 мая 1917 г.: «На обращенную ко мне просьбу Комитета о вызове в г. Симферополь находящегося ныне на действительной военной службе быв. Начальника жандармского управления полковника Мадатова, считаю необходимым сообщить, что выполнить эту просьбу я могу лишь при условии, если Комитет гарантирует, что Мадатов здесь не будет арестован, т.к. выпускывать его в Симферополь для ареста я считаю неудобным. Если же Комитет все же ареста Мадатова считает неизбежным, то я рекомендовал бы о задержании и доставлении его сюда сообщить непосредственно в Штаб Одесского Военного Округа, в распоряжении которого он находится» [23].

Отсутствие идиллии во взаимоотношениях параллельных органов власти рельефно подтверждается еще одним интересным документом, а именно, жалобой управляющего имением Аскания-Нова Днепровского уезда, обращенной к Таврическому губернскому комиссару 25 мая 1917 г.: «6-го Мая с / года члены Херсонского Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов забрали в экономии Аскания-Нова, согласно прилагаемого списка, винтовки, разного рода охотничьи ружья, револьверы и проч., принадлежащие владельцу имения, а равно принадлежности к этому оружию.

Считая отобрание этого оружия а в особенности охотничьего, неправильным, Управление имением имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о возвращении такового экономии, если не всего, то хотя охотничьего, револьверов и проч.» [24].

Следствием управленческого кризиса стало усиление своеволия и анархии. Так, к осени 1917 года усилилась тенденция по захвату земельной собственности. В Феодосийском уезде крестьянами были захвачены земли помещика Фелинова, в Евпаторийском уезде – помещиков Шнейдера и Трещева, в деревне Мазанка Симферопольского уезда запахали земли помещика Семаковского [25].

Уникальным свидетельством о начале «окайнных дней» Тавриды является переписка Архиепископа Таврического и Симферопольского Димитрия (в схиме – Антония) (Абашидзе) с Таврическим губернским комиссаром Н. Богдановым, свидетельствующая о начале массового наступления исполкомов на имущественные права Православной церкви [26].

Кризис ощущался буквально повсюду: финансы, почта ... Но особенно болезненным он был в вооруженных силах, чему в немалой степени поспособствовал печально известный «Приказ № 1» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который разрушил институт единоначалия и привел к подлинному хаосу в военном управлении.

Как свидетельствуют документы, «Севастопольская конвойная команда отказала в принятии дезертиров и уклоняющихся от отбывания воинской повинности новобранцев» [27], «пулеметная команда» г. Орехова ходатайствовала «прислать арестовать нашего начальника или же прислать кого-нибудь нам помогать в этом деле»... [28].

Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан МВД Временного правительства 28 мая 1917 г. разослало губернским, областным и городским комиссарам циркуляр, в котором с тревогой отмечалось, что «в виду многочисленных случаев нарушения солдатами порядка судоходства на внутренних водных путях, захвата ими судов, самовольного изменения направления таковых и других насильственных действий, грозящих полным расстройством транспорту, Министерство Внутренних Дел предлагает Вам немедленно войти в сношение с местным Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, разъяснить ему чрезвычайную важность правильного использования водных путей, при существующем расстройстве [п]олезного [вод]ного транспорта и настоятельно просит принять меры к восстановлению порядка...» [29].

Фрагментированный и по сути парализованный государственный аппарат оказался не в состоянии противостоять усилению радикальных настроений и ответить на главный вопрос времени – вопрос всесторонней общественно-политической консолидации. В сложившихся реалиях назревавшая смена власти становилась неизбежной...

Заключение. Анализ многочисленных архивных материалов позволяет прийти к выводу, что процесс фрагментации власти явился одной из важнейших, если не ключевой причиной октябрьских революционных потрясений. Абсолютной формой фрагментации стала Гражданская война, повлекшая разруху и миллионные жертвы. С другой стороны, переходный от Февраля к Октябрю 1917 г. период продемонстрировал, что местное самоуправление, в котором Временное правительство изначально видело свою опору, может быть по-настоящему эффективным только в условиях сильной центральной власти, что подтвердил последующий опыт

крымских краевых правительств, в целом более успешный, чем опыт аппарата Таврического губернского комиссара.

Источники и литература:

1. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма / П. Н. Надинский. – Симферополь : Крымиздат, 1957. – Ч. II. : Крым в период Великой Октябрьской Социалистической революции, иностранной интервенции и Гражданской войны (1917-1920 г.). – 304 с.
2. Федун В. В. Становление органов управления Временного правительства в Крыму (март-апрель 1917 г.) / В. В. Федун, В. И. Жуков // Революция и Гражданская война 1917-1920 годов : новое осмысление : материалы. – Симферополь : Крымский архив, 1995. – С. 98-99.
3. Зарубин А. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь : АнтикВА, 2008. – 728 с.
4. Пашеня В. Н. Этнонациональное развитие в Крыму в первой половине XX века (1900-1945 гг.) : монография / В. Н. Пашеня. – Симферополь, 2008. – 288 с.
5. Ишин А. В. Из истории деятельности органов Временного правительства в Таврической губернии (по архивным материалам) / А. В. Ишин // Крымский Архив. – 2009. – № 11. – С. 51-59.
6. Деникин А. И. Очерки русской смуты : в 3 кн. / А. И. Деникин; предисл. А.С. Кручинина. – М. : Айрис-пресс, 2006. – Кн. 1., т. 1. : Крушение власти и армии (февраль-сентябрь 1917). – С. 180.
7. Кудинов О. Реформа местного самоуправления Временного правительства России в 1917 г. : [Электронный ресурс] / О. Кудинов. – Режим доступа : <http://www.emsu.ru>.
8. Там же.
9. Зарубин А. Г. Указ. соч. / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. – С. 100, 104.
10. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК). – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 109.
11. Зарубин А. Г. Указ. соч. / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. – С. 100; ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 129; Комитеты общественных организаций изначально формировались как демократическая опора власти комиссаров, заменивших губернаторов, и должны были выступать в качестве известного противовеса власти Советов : [Электронный ресурс] // История государства и права России / отв. ред. С. А. Чибиряев. – М., 1998. – Режим доступа : <http://bestboy.narod.ru>.
12. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 22.
13. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 34.
14. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 40.
15. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 42 об.
16. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 20.
17. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 21.
18. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 93-94.
19. Деникин А. И. Указ. соч. / А. И. Деникин. – С. 175.
20. Крым : прошлое и настоящее / отв. ред. : С. Г. Агаджанов, А. Н. Сахаров / Ин-т истории СССР АН СССР. – М. : Мысль, 1988. – С. 56.
21. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 11.
22. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 12-12 об.
23. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 297-297 об.
24. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 342-342 об.
25. Надинский П. Н. Указ соч. / П. Н. Надинский. – С. 32.
26. Подробнее см. : Ишин А. В. Указ соч. / А. В. Ишин. – С. 55-58.
27. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 165.
28. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 169.
29. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 338.

Руев В.Л.

УДК 94(477.75)''14'':355.426:623.2

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП БЛОКАДЫ МАНГУПА ОСМАНАМИ В 1475 Г.

Изучение османской военной кампании 1475 г. имеет важнейшее значение для понимания геополитической обстановки в конце XV-XVI вв. в Северном Причерноморье и Восточной Европе. Автор склонен рассматривать проведение этой кампании несколькими этапами, которые обусловлены существенными изменениями в течение боевых действий османов в Крыму:

1. На первом этапе (31 мая – первая половина июля 1475 г.) – военная экспедиция турок в Крыму носила вспомогательный характер в контексте борьбы с молдавским господарем Стефаном Великим. Сторонниками этой гипотезы являются исследователи Л.А. Семенова [30, с.78-79], А.П. Григорьев [11, с.66]. На границе с Валахией была сосредоточена 100-тысячная сухопутная армия османов, а на завоевание политических образований Северного Причерноморья (Крымского ханства, генуэзских и венецианских колоний, княжества Феодоро) выдвинут мощный, хорошо подготовленный и оснащенный экспедиционный корпус во главе с великим визирем Гедик Ахмедом пашой. Таким образом, на первом этапе, в течение которого были завоеваны итальянские колонии, княжество Феодоро и осуществлено вассальное подчинение Крымского ханства, экспедиция Гедик Ахмед пашы, несмотря на свой вспомогательный характер, привнесла существенные геополитические и экономические изменения в пользу Османской империи. Среди этих серьезных последствий стал один из последних шагов по превращению Черного моря в «Османское озеро», контроль над важнейшими